
На четвертый день свадьба решительно закончилась. Ранним утром Зигмусь Осика, который, правду сказать, участвовал в празднествах с перерывами, но зато интенсивно, вышел из дома и устремил вдаль взор совсем не орлиный. И уперся взглядом в стену могучего леса. А перед ней шевелилось что-то этакое...

Смотрел Зигмусь долго, пока до него не дошел смысл того, что он видит. А видел он нечто поразительное, и профессионал в его сердце робко пискнул.

На лужайке по ту сторону дороги паслась лошадь. Кобыла. Зигмусь был крепко под градусом, но зрелище тронуло его душу. Кобылка была молодая, ей и двух лет не исполнилось, однако от нее веяло чем-то таким, что перед Зигмусем исчезли дорога, лужайка и лес, а вместо них возникла голубая розетка, мечта его розового детства. В воображении заполоскались на ветру вымпелы, он услышал фанфары, почувствовал под собой седло и твердые, упругие мышцы лошади, летящей в галопе, а в его лицо задул свежий ветер. Парень почти протрезвел и посмотрел внимательнее.

«Что это за кобыла? — подумал он. — Уж очень молодая. Чье ж это добро? Еще полтора

года — и дерби у нее, почитай, на счету в банке. От кого она может быть?»

Возле него вдруг возник брат новобрачного, чье состояние указывало на усерднейшее участие в торжествах.

— Слушай, дружище, — сказал Зигмусь, несколько неуверенно ворочая языком. — Это кто такая, кобылка эта? Чья и от кого?

Брат жениха вытаращил глаза.

— А-а-а, — ответил он, подумав. — Это того... того, тоись, придурка кобыла. Тоись, придурка кобыла принесла. Ожеребилась его кобыла. Это и есть жеребенок.

— А отец кто? — спросил Зигмусь, трезвея на глазах.

— Так староста, — не задумываясь, ответил брат жениха. — Тоись не сам, наверное, только жеребца ей устроил. За литру. Литру коньяка получил, но дрянь страшная.

Зигмусь, основательно вымотанный свадьбой, отличался бесконечным терпением.

— Ладно, усек. А жеребец-то кто?

Брат новобрачного потер рукой небритый подбородок, почесал в затылке и пожал плечами.

— А мне откуда знать? Не помню. Старосту спроси.

- А где он?
- Кто?
- Староста.
- Головой не ручаюсь, но вроде как в ванне лежал. Я что-то такое слышал. На втором этаже.

Новая элегантная сельская вилла была спроектирована с европейским размахом, и в ней имелись две ванные комнаты. Зигмусь осматривал здание в самом начале свадьбы в рамках экскурсии и отнеся к ним с восхищенным почтением. Память понемногу возвращалась, и парень сообразил, где находится вторая ванная комната впечатляющих размеров. Он даже вспомнил, что ванну там вделали в пол, как на заграничной рекламе, и подумал, что староста спьяну упал в чашу, да так в ней и остался. Наверное, не сумел вылезти...

Он еще раз посмотрел на лошадь и вернулся в дом, потому что все его существо прикипело к этой кобылке на лужайке, он просто не мог оторваться. Зигмусь Осика обладал душой лошадника и был жокеем по призванию. Строго говоря, он еще не стал жокеем, а являлся всего лишь практикантом, но до кандидата в жокеи ему не хватало каких-то пятнадцати побед. А до жокея — шестидесяти пяти. Но знал точно, что в этом году кандидатом

обязательно станет. У Зигмуса был шанс принять участие в дерби, если только заявят много лошадей, парень резонно предполагал, что ему удастся попасть в число участников, и пожалел от всего сердца, что нет у него этой лошади. Наверняка его посадят на нынешнего лидера...

Топая по лестнице, он подумал, что, может, оно и к лучшему. Этому чуду сейчас полтора года, весной кобылка сможет дебютировать в классе двухлеток, а на следующий год поедет выступать в дерби. К тому времени он уже отпашет свои шестьдесят пять побед, а если даже не успеет, ничего страшного — поедет кандидатом. И выиграет. Она все выиграет, эта кобылка...

Каким образом лошадь с деревенского пастбища могла бы принять участие не только в дерби, но вообще в скачках на Служевецком ипподроме, Зигмус не очень занимало. Мысль о тернистом пути туда пока не дошла до его сознания. В этой фазе протрезвления главной потребностью парня стал староста.

Примерно через час интенсивных усилий Зигмус окончательно пришел в себя и подумал, уже совершенно ясно, что легче, наверное, выиграть дерби, чем очеловечить старосту. Он выволок утратившее

человеческий облик создание из ванны и поставил на ноги, однако не смог добиться от него ни единого слова. Кроме того, было очевидно, что простая польская речь до старосты не доходит. Зимусь метнулся вниз и, не обращая внимания на сотрапезников в различном состоянии, нашел какую-то посуду, бутылку с бесцветной жидкостью, несколько раскиданных по столам маринованных огурчиков и высмотрел чудом уцелевшую бутылку пива. Все это он отнес наверх, в ванную, где староста отдыхал на унитазе, с комфортом откинувшись на низкий удобный бачок. Не глядя на Зигмуса, он выговорил первые разумные слова:

— Пивка бы...

Не вдаваясь в дискуссию, Зигмусь стал отпаивать его принесенным лекарством. Староста довольно ловко опрокинул стакан, содрогнулся, встряхнулся и частично приоткрыл глаз. Передохнув, он попытался беседовать дальше:

— Гу-гу... агу... огурчика...

До Зигмуса дошел смысл сказанного, потому что перед глазами у него все еще стояло дивное видение на лугу, в результате чего мысли его приобрели необыкновенную ясность, и он подсунул старосте огурчик. Староста откусил кусочек, сморщился

и швырнул остаток через плечо. Огурчик отлетел от стены и упал в биде. Зигмусь понял намек и посмотрел на бутылку пива. «Туборг». Крышечка, надо думать, должна отвинчиваться... Он попробовал — получилось. Зигмусь сунул бутылку в руку пациента. Староста покорно стал лить содержимое в рот и остановился, только когда бутылка опустела. Он глубоко вздохнул и пробормотал:

— Мне уже легче. Дай тебе Господь...

Еще какой-нибудь час — и оба оказались наконец на свежем воздухе. Они стояли, уцепившись за планки забора, и с удовольствием смотрели на пасущуюся перед ними скотинку. В этот миг староста любил Зигмуся больше жизни, и его переполняла безграничная благодарность.

— Тебе-то, братик ты мой, сынок родной-ненаглядный, всю правду скажу, но уж ты держи язык за семью замками и печатями. Это должен был быть жеребец ветеринара, и вроде как он и был, только куды там... Я сам ее, собственной рукой повел, и как раз по полю шел он...

Несмотря на остатки дурмана в голове, староста осекся, беспокойно оглянулся и наклонился ближе к уху Зигмуся:

— Дьявол...

безумно волновался. Ничего удивительного, что из-за этой кобылки ему почудилась голубая лента!

— А мать у нее от кого?

— А кто ее знает. Но тоже вроде бы чистокровка.

— И как записали в племенном свидетельстве?

— А записали так, как должно было быть, потому что мы с ветеринаром договаривались, и какое ему дело, он даже как раз тогда и уехал. Дескать, от его Мармильона. А имя дали от матери. Та — Флора, а эта — Флоренция. А на самом деле она от Флоры и Дьявола...

— А парнишка тот? Что Дьявола вел?

— Парнишка в другую сторону смотрел и волосы на себе рвал, но теперь и не пикнет, потому что ему тогда досталось бы, что такого коня из рук выпустил... Он на коленях меня молил, чтобы я его не выдал...

Зигмусь судорожно держался за отломанную планку и явственно чувствовал, что внутри у него нарастает немислимое упоение. Он не ошибся, увидел породу в молоденькой кобылке! Если удастся устроить все, что надо, если ее мать, эта Флора, действительно чистокровка, то родословная у лошадки как положено... Мармильон тоже

годится — раз ветеринар держит производителя, то наверняка позаботился, чтобы это был чистокровный жеребец, может, официальных документов будет достаточно...

— А хозяин ее что? — спросил Зигмусь страстно. — Ну тот, хозяин Флоры?

— А что, я тебе не говорил? Городской придурок. За лесом завел себе хозяйство. С другой стороны. Пустое поле и такая хибара стоит, должна была быть хата... вилла то есть, но он не закончил стройку, половину в хлев превратил, а теперь все вместе ни на что не похоже. Он литру поставил, чтобы я с Флорой пошел, потому что рано утречком идти надо было, а он на такое не способен...

Зигмусь бросил догорающую свадьбу, где валялись одни недобитые. Идя через пустошь, он размышлял, что же ему, собственно, делать. Склонить старосту, чтобы тот признался, как вышло на самом деле, и заставить мальчишку-конюха понести страшную кару? Оставить Флоренцию с фальшивыми документами? Как-нибудь устроить ей фальшивое племенное свидетельство, куда будет вписан Дьявол? А если это когда-нибудь выйдет на свет?.. Старосту на смертном одре может одолеть совесть, и он скажет на исповеди,

как было с этим жеребцом на самом деле... Но, во-первых, ксендз может и не сообразить, о чем идет речь, на скачках духовное лицо вряд ли играет, а во-вторых, староста еще молодой, до смертного одра ему довольно далеко... Во всяком случае, надо тщательно разведать ситуацию, а если что, панна Моника поможет...

Описание строения, данное старостой, оказалось удивительно верным: в поле за лесом стояла хибара, местами каменная, местами деревянная, крытая крышей-временкой и наполовину очень похожая на хлев. Двери в это сооружение были сколочены из обычных, даже не мореных и не лакированных досок, но оказались заперты, а окна были с приоткрытыми ставнями. Зигмусь заколотил в двери кулаком.

Колотил он довольно долго. Собственно говоря, просто для того, чтобы чем-нибудь занять руки, пока интенсивно думал. Он был совершенно уверен, что в доме никого нет. Еще бы — летом, когда полдень на дворе, кто же будет сидеть в доме, тем более в таком... Хозяин явно куда-то поперся, и теперь придется ждать, пока он вернется...

Зигмусь занес было в очередной раз кулак, когда внезапно услышал за дверью какой-то шорох. Словно бы шаркающие, заплетающиеся шаги. Он замер и стал ждать.

Кто-то повернул ключ в замке, и дверь со скрипом открылась. На пороге стоял тип в очках, в пижаме и растоптанных домашних шлепанцах, взъерошенный и отчаянно заспанный. Он бессмысленно уставился на Зигмуса.

Зигмусь засомневался. Наверное, он попал на какого-то дачника, потому что не мог же это быть сам городской придурок. Городской придурок хозяйствовал тут, на этих самых гектарах, имел лошадей и коров, еще и луга, на которых должен был уже начаться сенокос. Хозяин сейчас должен отвозить молоко, кормить и обихаживать скотину... Какой хозяин спит летом до полудня?!

— Я к варшавяку, — сказал он неуверенно. — Тут, говорят, один такой из Варшавы хозяйствует.

— Ну! — согласился растрепа в пижаме и зевнул. — Я самый. А что?

У Зигмуса моментально отнялся язык. Потом в голове молнией мелькнули две мысли. Первая: может, у этого молодца есть люди, которые на него работают, и за ними даже следить не надо? Вторая: такой идиот